

И.М. Улюкин, Е.С. Орлова, А.А. Сечин

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЛИЧНОСТНЫХ ФАКТОРОВ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ И РИГИДНОСТИ КАК ЧЕРТЫ ЛИЧНОСТИ У ЛИЦ МОЛОДОГО ВОЗРАСТА

Военно-медицинская академия им. С.М. Кирова
(Россия, Санкт-Петербург, ул. Акад. Лебедева, д. 6)

Актуальность. Недостаточная адаптивность может мешать использованию когнитивных стратегий выживания и увеличивать зависимость от более неадекватных стратегий. Считается, что структурные составляющие личностного потенциала и свойства личности, обуславливающие ее адаптивность, могут выступать психологическими ресурсами, определяющими ее готовность к риску и способность к реализации осознанного контроля над преобразованием ситуаций риска своими решениями.

Цель – изучение взаимосвязи личностных факторов принятия решений и ригидности как черты личности у лиц молодого возраста с целью улучшения их медико-психологического сопровождения.

Методология. В экспериментально-психологическом исследовании приняли участие 200 лиц молодого возраста: мужчины (группа «М») – 100 человек (50,0 %); женщины (группа «Ж») – 100 человек (50,0 %); средний возраст «М» = $20,5 \pm 1,8$, «Ж» = $19,2 \pm 1,2$ года, $p < 0,05$. Изучение личностных факторов принятия решений было проведено по методике «Личностные факторы принятия решений (ЛФР-25)» [9], которая является русскоязычной модификацией методики Q-сортировки (EQS) немецкого психолога Х. Вольфрама [5]. Исследование ригидности (как устойчивой черты личности, проявляющейся в неспособности в той или иной мере воспринимать новый опыт и включать его в систему личности) было проведено по Томскому опроснику ригидности Г.В. Залевского [18].

Результаты и их анализ. В исследовании показано, что статистическое различие между показателями шкал Томского опросника ригидности в группах мужчин и женщин не является значимым. Выраженность ригидности в обеих группах в основном носит умеренный характер. Установлено отсутствие статистически значимых различий между факторами принятия решений у мужчин и женщин, что, вероятно, нашло свое отражение в уровнях личностных факторов принятия решений (сходных в обеих группах; различия в уровнях факторов между обследованными группами обусловлены, по-видимому, гендерной идентичностью индивидов). В обеих группах отмечены достоверно более высокие значения параметра «Субъективная рациональность» при слабой и очень слабой отрицательной корреляции с данными «Личностной готовности к риску», что, возможно, обусловлено профессионально-психологическим отбором.

✉ Улюкин Игорь Михайлович – канд. мед. наук, науч. сотр., Воен.-мед. акад. им. С.М. Кирова (Россия, 194044, Санкт-Петербург, ул. Акад. Лебедева, д. 6), ORCID: 0000-0001-8911-4458, e-mail: igor_ulyukin@mail.ru;

Орлова Елена Станиславовна – канд. мед. наук, ст. науч. сотр., Воен.-мед. акад. им. С.М. Кирова (Россия, 194044, Санкт-Петербург, ул. Акад. Лебедева, д. 6), ORCID: 0000-0003-1586-663, e-mail: oes17@yandex.ru;

Сечин Алексей Александрович – нач. науч.-исслед. лаб., Воен.-мед. акад. им. С.М. Кирова (Россия, 194044, Санкт-Петербург, ул. Акад. Лебедева, д. 6), ORCID: 0000-0001-6832-6988, e-mail: sechinalex@rambler.ru.

Заключение. Полученные в настоящем исследовании данные могут позволить более дифференцированно подойти к медико-психологическому сопровождению лиц молодого возраста, а при необходимости – к построению психокоррекционной работы с ними.

Ключевые слова: клиническая психология, лица молодого возраста, личностные факторы принятия решений, ригидность как устойчивая черта личности, медико-психологическое сопровождение.

Введение

По разным данным, жизнь в постоянно изменяющемся современном обществе сопряжена с различными противоречиями, которые находят свое отражение в значительном числе социальных проблем. В частности, зафиксировано, что идеология «либерального прогресса», бывшая для Запада фундаментальной на протяжении последних двух столетий, в последние годы оказалась в значительной мере поколеблена в связи с постинформационным этапом общественного развития (в особенности с появлением и развитием Интернета), что способствовало усилению в социуме дистрессовых влияний как реакции на избыточность «бесконтрольного» потока информации [14], травмирующее действие которой на человеческую психику поставило под вопрос некоторые из краеугольных установок и ценностей демократического общества. При неопределенности ситуации человек по тем или иным причинам часто теряет ориентиры, не может сосредоточить собственные ресурсы или осуществить правильный выбор с целью своевременного реагирования на возникшие трудности и стабилизации жизненных условий.

Полагают, что эта недостаточная адаптивность может мешать использованию когнитивных стратегий выживания и увеличивать зависимость от более неадекватных стратегий. Есть мнение, что причиной неспособности адаптироваться к новым условиям, идти на компромисс, менять в этих условиях свою систему взглядов и убеждений (т.е. ригидности поведения) может быть напряжение, связанное с эмоциональными аффектами вследствие катастрофических для человека ситуаций.

Существенным является тот факт, что структурные составляющие личностного потенциала и свойства личности, обуславливающие ее адаптивность, могут выступать

психологическими ресурсами, определяющими ее готовность к риску и способность к реализации осознанного контроля над преобразованиями ситуаций риска своими решениями [1].

Так, отмечено, что выраженность рациональности принятия решений сопровождается хорошей саморегуляцией, гибкостью поведения, уверенностью в собственной успешности в ситуациях неопределенности, тогда как при снижении рациональности и преобладании склонности к риску происходит усиление неадаптивного стремления к трудностям, поиск новых и острых ощущений, фиксированность на возникающих препятствиях при возникновении фрустрации, появление высокого уровня эмоциональности на уровне темперамента [2]; при этом нивелирующее воздействие на возможность принятия рискованного решения оказывает развитие волевых качеств личности [12].

Вместе с тем показано, что лица с более высокой готовностью к риску характеризуются меньшей выраженностью рациональности, рефлексивности, интолерантности к неопределенности в межличностных отношениях и худшей успеваемостью [7], а в ходе актов принятия и преодоления неопределенности личностью показано взаимодействие познавательных (мыслительных, когнитивных) и личностных (субъективных, смысловых) «регуляторов» (т.е. человек прогнозирует не только развитие ситуации, но и личностную цену принимаемого решения) [8].

При этом полагают, что в настоящее время в психологии нет общей дескриптивной теории по проблеме принятия решения, а психологический механизм принятия решения применительно к ситуациям неопределенности ориентиров поиска состоит из преобразования познавательной проблемы в мыслительную задачу и из решения мыслительной задачи [10], – однако это зависит от

информационной характеристики ситуации, в которой приходится принимать решение, которая, в свою очередь, также определяется рядом факторов.

Так, есть традиционное суждение, что психическая ригидность в структуре личности в норме проявляется по-разному в зависимости от половозрастных, темпераментологических и характерологических особенностей; ее определяют как «недостаточную пластичность в психологической деятельности и поведении, трудность переключения на что-то новое, сопротивление изменениям, своего рода непроницаемость» [11], как «трудность коррекции программ поведения в целом или ее отдельных элементов в связи с объективной необходимостью и разной степенью осознания и принятия этой необходимости» [4], в качестве характерных черт таковой отмечая стереотипность поведения, его неизменность, неприспособленность к новым условиям, непереключаемость поведения на новое направление. В частности считается, что высокий уровень личностной ригидности не способствует расширению профессионального образа мира любого специалиста а, скорее, блокирует его (это приводит к несостоятельности в плане обогащения своей профессиональной картины мира за счет освоения новых компетенций, нового видения ситуации и жизни в целом) [6].

По данным разных авторов, ригидность повышается в ситуациях, где возможности субъекта недостаточны (сюда относят ситуации эмоциогенные, стрессовые, ведущие к повышению тревожности, фрустрированности, страха, а также связанные с неуспехом личности). Вместе с тем полагают, что в ряде случаев для защиты личности от тревоги и поддержания ее психологической безопасности необходимо искажение реальности; однако при этом возможность активного и аутентичного преобразования реальности ограничивается, замещаясь ригидным неконструктивным способом реагирования, проявлением зависимости от ситуации и внешних условий, дезадаптивными и виктимизирующими стратегиями, которые ограничивают активное включение

личности в жизнь, возможность творческого управления ею и конструктивных реакций в ситуациях неопределенности [16]. Поэтому есть мнение, что психологически здоровую и полноценно функционирующую личность отличает способность не фиксироваться на травматичных событиях прошлого, но и не отрицать их.

Цель исследования – изучение взаимосвязи личностных факторов принятия решений и ригидности как черты личности у лиц молодого возраста с целью улучшения их медико-психологического сопровождения.

Материалы и методы

В экспериментально-психологическом исследовании приняли участие 200 лиц молодого возраста: мужчины (группа «М») – 100 человек (50,0 %); женщины (группа «Ж») – 100 человек (50,0 %); средний возраст «М» = $20,5 \pm 1,8$, «Ж» = $19,2 \pm 1,2$ года, $p < 0,05$, – на момент обследования практически здоровых и выполнявших свои функциональные обязанности в полном объеме.

Изучение личностных факторов принятия решений было проведено по методике «Личностные факторы принятия решений (ЛФР-25)» [9], которая является русскоязычной модификацией методики Q-сортировки (EQS) немецкого психолога Х. Вольфрама [18].

Эта модификация ЛФР-25 включает две шкалы:

1) «Личностная готовность к риску» (как личностное свойство саморегуляции, позволяющее человеку принимать решения и действовать в ситуациях неопределенности);

2) «Субъективная рациональность» (как готовность обдумывать свои решения и действовать при возможно полной ориентировке в ситуации).

Эти факторы принятия решений отражают характеристики личностной регуляции выборов субъекта (принятия решений) в широком контексте жизненных ситуаций. Преобладание баллов по одной из шкал свидетельствует о склонности руководствоваться именно этой стратегией в процессе принятия решений. Во всех случаях неблагоприятно

ятными являются крайние значения рациональности или готовности к риску. Полагают, что готовность к риску напрямую связана с импульсивностью в принятии решений (чем она выше, тем сильнее человек будет испытывать неопределенность в принятии решения, «метаться» между имеющимися альтернативами). По данным тестирования делается вывод о том, является ли индивидуальный показатель испытуемого заниженным (попадает в четверть самых низких результатов), завышенным (четверть наиболее высоких баллов) или типичным для лиц данной выборки.

Исследование ригидности (как устойчивой черты личности, проявляющейся в неспособности в той или иной мере воспринимать новый опыт и включать его в систему личности) было проведено по Томскому опроснику ригидности Г.В. Залевского [5] (табл. 1).

В исследовании принимали участие студенты факультетов подготовки врачей учебного заведения высшего профессионального образования. Все обследованные лица имели законченное среднее образование, поэтому предполагалось, что опрошенные способны оценить характер собственных переживаний, возникающих при прочтении утверждения, и привести их в соответствие с предложенной в методике шкалой. Исследование носило индифферентный характер (обследованные не были заинтересованы в его результатах).

Исследование проводилось групповым методом в течение 40 мин. У всех обследованных было получено добровольное информированное согласие на участие в исследовании. Работа выполнена в соответствии с положениями нормативных документов о защите личности в связи с автоматической обработкой персональных данных [15]. Статистическая обработка данных проведена с использованием пакета прикладных программ Statistica for Windows в соответствии с общепринятыми методами вариационной статистики [17].

Результаты и обсуждение

Показатели методики «Личностные факторы принятия решений (ЛФР-25)» у лиц молодого возраста приведены в таблице 2.

Установлено отсутствие статистически значимых различий между факторами принятия решений у мужчин и женщин ($p = 0,77$, $p = 0,94$ соответственно), что, вероятно, нашло свое отражение в уровнях личностных факторов принятия решений (сходных в обеих группах; различия в уровнях факторов между обследованными группами обусловлены, по-видимому, гендерной идентичностью индивидов).

В обеих группах отмечены достоверно более высокие значения параметра «Субъективная рациональность» ($p < 0,01$) при слабой отрицательной корреляции с данными

Таблица 1

Нормативные значения шкал Томского опросника ригидности [5]

Шкала	Разброс значений	Низкая ригидность	Умеренная ригидность	Высокая ригидность	Очень высокая ригидность
Общая ригидность	0–248	0–62	63–124	125–186	187–248
Актуальная ригидность	0–72	0–18	19–36	37–54	55–72
Сенситивная ригидность	0–76	0–19	20–38	39–57	58–76
Установочная ригидность	0–68	0–17	18–34	35–51	52–68
Ригидность как состояние	0–24	0–6	7–12	13–18	19–24
Преморбидная ригидность	0–80	0–20	21–40	41–60	61–80

Примечание.

По контрольной шкале реальности разброс баллов составляет 0–68. Не вызывают доверия данные при показателе более 34 баллов.

По контрольной шкале лжи разброс составляет 0–36. Не вызывают доверия данные при показателе более 18 баллов.

Таблица 2

Показатели методики «Личностные факторы принятия решений»

Показатели	Группы	Данные шкал методики		
		М ± m	Уровни личностных факторов принятия решений (%)	
Субъективная рациональность	М	5,76 ± 2,91	заниженный	27,0
			типичный	68,0
			завышенный	5,0
	Ж	5,61 ± 3,06	заниженный	25,0
			типичный	70,0
			завышенный	5,0
Личностная готовность к риску	М	-0,53 ± 1,44	заниженный	98,0
			типичный	2,0
			завышенный	0,0
	Ж	-0,55 ± 1,56	заниженный	96,0
			типичный	4,0
			завышенный	0,0

«Личностной готовности к риску» в группе «М» ($r = -0,24$) и очень слабой отрицательной корреляции в группе «Ж» ($r = -0,06$).

Показатели шкал Томского опросника ригидности у обследованных лиц молодого возраста приведены в табл. 3 и 4. Отмечено, что, по данным F-теста, статистическое различие между показателями шкал в группах не является значимым.

При анализе показателей шкал отмечено, что шкала общей ригидности (симптомокомплекс ригидности, СКР), предполагающая склонность к широкому спектру фиксированных форм поведения (персеверациям, на-

вязчивостям, стереотипиям, упрямству, педантизму и собственно ригидности) в группе «М» носит в основном высокую (в 54 % случаев) и умеренную (46 %) степень выраженности, а в группе «Ж» – умеренную (55 %) и высокую (44 %).

Ригидность в собственном (узком) смысле, как неспособность при объективной необходимости изменить мнение, отношение, установку, мотивы, модус переживания, отражена в шкале актуальной ригидности (АР) и в обеих группах в основном расценивается как умеренная (65,0 % и 78,0 % соответственно).

Таблица 3

Показатели шкал Томского опросника ригидности у обследованных лиц молодого возраста (М ± m)

Шкалы Томского опросника ригидности	Группы	
	М	Ж
Общая ригидность (симптомокомплекс ригидности, СКР)	123,0 ± 15,13	118,22 ± 15,55
Актуальная ригидность (АР)	29,0 ± 7,38	26,57 ± 6,16
Сенситивная ригидность (СР)	30,43 ± 10,47	27,57 ± 8,6
Установочная ригидность (УР)	31,95 ± 5,64	28,18 ± 6,15
Ригидность как состояние (РСО)	11,19 ± 4,15	11,04 ± 4,18
Преморбидная ригидность (ПМР)	36,31 ± 7,32	33,2 ± 8,46
Шкала реальности (ШР)	18,3 ± 4,1	18,02 ± 4,18
Шкала лжи (ШЛ)	21,36 ± 9,68	19,78 ± 8,44

Примечание: статистические различия приведены в тексте.

Таблица 4

Выраженность ригидности у обследованных лиц молодого возраста (абс., %)

Шкалы	Группы	Выраженность ригидности, абс., %			
		Низкая	Умеренная	Высокая	Очень высокая
Симптомокомплекс ригидности	М	0,0	46 (46,0 %)	54 (54,0 %)	0,0
	Ж	1 (1,0 %)	55 (55,0 %)	44 (44,0 %)	0,0
Актуальная ригидность	М	13 (13,0 %)	65 (65,0 %)	20 (20,0 %)	2 (2,0 %)
	Ж	14 (14,0 %)	78 (78,0 %)	8 (8,0 %)	0,0
Сенситив. ригидность	М	17 (17,0 %)	57 (57,0 %)	24 (24,0 %)	2 (2,0 %)
	Ж	20 (20,0 %)	66 (66,0 %)	14 (14,0 %)	0,0
Установ. ригидность	М	3 (3,0 %)	60 (60,0 %)	35 (35,0 %)	2 (2,0 %)
	Ж	8 (8,0 %)	72 (72,0 %)	20 (20,0 %)	0,0
Ригидность как состояние	М	15 (15,0 %)	58 (58,0 %)	20 (20,0 %)	7 (7,0 %)
	Ж	18 (18,0 %)	46 (46,0 %)	31 (31,0 %)	5 (5,0 %)
Преморбидная ригидность	М	9 (9,0 %)	62 (62,0 %)	27 (27,0 %)	2 (2,0 %)
	Ж	14 (14,0 %)	61 (61,0 %)	25 (25,0 %)	0,0
Шкала реальности	М	более 34 баллов – 1 (1,0 %)			
	Ж	более 34 баллов – 0,0			
Шкала лжи	М	более 18 баллов – 56 (56,0 %)			
	Ж	более 18 баллов – 51 (51,0 %)			

Отражающая эмоциональную реакцию человека на новое, на ситуации, требующие каких-либо изменений (возможно, на страх перед чем-то новым), шкала сенситивной ригидности (СР) как личностный уровень проявления психической ригидности, выраженный в эмоциональном отношении к соответствующим требованиям объективной действительности, имеет в обеих группах умеренную выраженность (60,0 % и 72,0 % соответственно).

Шкала установочной ригидности (УР), отражающая личностный уровень проявления психической ригидности, выраженный в ее позиции, отношении – установке на принятие/непринятие нового, необходимость изменений самого себя: самооценки, уровня притязаний, системы ценностей, привычек (а за такой позицией лежат самые разные мотивы осознанного уровня), также в основном имеет в обеих группах умеренную выраженность (57,0 % и 66,0 % соответственно).

Высокие показатели по шкале ригидности как состояния (РСО) свидетельствуют о том, что в состоянии страха, стресса (дисстресса), плохого настроения, утомления или

какого-либо болезненного состояния человек в высокой степени склонен к ригидному (шире – к фиксированному) поведению; считается, что в обычных условиях подобное поведение он может и не проявлять. В нашем исследовании респонденты в основном показывали умеренную (58,0 % и 46,0 % соответственно) выраженность ригидности, хотя значительное количество отмечало и высокую ригидность по этому показателю (20,0 % и 31,0 % соответственно), что, возможно, требует отдельного рассмотрения причин данного феномена.

Шкала преморбидной ригидности (ПМР), считается, отражает тот факт, что обследуемый уже и подростковым и юношеском (школьном) возрасте испытывал трудности в ситуациях каких-либо перемен (по разным данным, взрослые, опрашиваемые ретроспективно, оценивают то, как они себя вели, переживали и решали те или иные проблемы в соответствующих ситуациях в школьном возрасте, больные – в преморбидном периоде). В нашем исследовании обследованные лица в основном показывали умеренную (62,0 % и 61,0 % соответственно) выражен-

ность ригидности, что, возможно, отражает факт перенесенного ранее заболевания (инфекции COVID-19),

Шкала реальности (ШР) к ригидности не относится, она показывает, исходит ли испытуемый в своих ответах на вопросы ТОРЗ из своего опыта или только из предположений. В нашем исследовании обследованные лица в обеих группах при ответе на вопросы отражали свой опыт, хотя данные шкалы лжи (ШЛ), возможно, подлежат отдельному анализу с использованием других методик.

При анализе корреляционной взаимосвязи между показателями шкал отмечено, что в обеих группах выявлена тесная взаимосвязь между СКР, АР, СР (в группе «М» $r = 0,81$, $r = 0,8$, $r = 0,82$ соответственно; в группе «Ж» $r = 0,79$, $r = 0,73$, $r = 0,71$ соответственно); кроме того, в группе «Ж» выявлена сильная корреляционная связь между СКР и ПМР ($r = 0,76$), тогда как в группе «М» она была только средней ($r = 0,66$).

Отмечена умеренная корреляционная связь со ШЛ – в группе «М» с АР ($r = 0,33$), с УР ($r = 0,33$), с ПМР ($r = 0,33$), а в группе «Ж» с АР ($r = 0,44$), с СР ($r = 0,3$), с УР ($r = 0,35$), с ПМР ($r = 0,37$).

Корреляционная связь между остальными показателями носила в основном средний и умеренный характер, кроме ШР (связь с другими показателями носила в основном слабый и очень слабый характер).

При анализе корреляционных связей между показателями шкал Томского опросника ригидности и показателями методики ЛФР-25 отмечено различие в корреляции между показателями «Шкала лжи» и «Субъективная рациональность» в группах (в группе «М» корреляция была умеренная отрицательная: $r = -0,33$, а в группе «Ж» – очень слабая отрицательная: $r = -0,13$); корреляционные связи между остальными показателями в группах расценивались как слабые и очень слабые.

Заключение

Таким образом, в нашем исследовании показано, что статистическое различие между показателями шкал Томского опросника

ригидности в группах мужчин и женщин не является значимым. Выраженность ригидности в обеих группах в основном носит умеренный характер.

Установлено отсутствие статистически значимых различий между факторами принятия решений у мужчин и женщин, что, вероятно, нашло свое отражение в уровнях личностных факторов принятия решений (сходных в обеих группах; различия в уровнях факторов между обследованными группами обусловлены, по-видимому, гендерной идентичностью индивидов).

В обеих группах отмечены достоверно более высокие значения параметра «Субъективная рациональность» при слабой и очень слабой отрицательной корреляции с данными «Личностной готовности к риску» соответственно, что, возможно, обусловлено профессионально-психологическим отбором.

При анализе корреляционных связей между показателями шкал Томского опросника ригидности и показателями методики ЛФР-25 отмечено различие в корреляции между показателями «Шкала лжи» и «Субъективная рациональность» в группах (в группе «М» корреляция была умеренная отрицательная: $r = -0,33$, а в группе «Ж» – очень слабая отрицательная: $r = -0,13$); корреляционные связи между остальными показателями в группах расценивались как слабые и очень слабые. Это, вероятно, свидетельствует о том, что при проведении мероприятий медико-психологического сопровождения необходимо делать акцент на готовность получателей услуг обдумывать свои решения и действовать исходя из возможно полной ориентировки в сложившейся ситуации, ориентируясь на мнение различных исследователей о том, что гибкость в оценке самого себя и в реагировании на окружающий мир является показателем психического здоровья (вплоть до мнения, что психическое расстройство – проявление крайне ригидного восприятия мира и реагирования на него). Безусловно, здоровой личности в большей степени свойственна гибкость, позволяющая адаптироваться к изменяющимся условиям среды и дифференцированно реагировать на

имеющиеся и возникающие раздражители, что и показывают результаты проведенного исследования. Высокая же самоэффективность человека обеспечивается, как считают, высоким уровнем психодинамической активности и адаптивности, личностной саморегуляцией, гибкостью и снижением уровня эмоциональности на индивидуальном уровне, при том что субъект отличается терпимостью к неопределенным ситуациям в межличностной сфере [3]; кроме того, при высоком уровне рациональности не обнаруживается использование экстремально-рискованных форм поведения.

Так как каждодневные решения человека опосредствованы информационно, полагают, что при проведении необходимых интервенций медико-психологического со-

проведения необходима компенсация экзистенциального вакуума, который является основным патогенетическим компонентом стрессовых расстройств. Однако факторами, влияющими на выбор стратегии поведения индивида в предполагаемой ситуации, являются его представления об особенностях ситуации, опыт преодоления подобных ситуаций, в реальной ситуации – личностные характеристики и мера осмысленности происходящего, возможность выйти за пределы очевидных решений [13].

Полученные в настоящем исследовании данные могут позволить более дифференцированно подойти к медико-психологическому сопровождению лиц молодого возраста, а при необходимости – к построению психокоррекционной работы с ними.

Литература

1. Арендачук И.В. Личностный потенциал и социально-психологическая адаптированность как ресурс психологической готовности к риску // Изв. Саратов. ун-та. Сер. «Акмеология образования. Психология развития». 2015. Т. 4. Вып. 3. С. 219–226. DOI: 10.18500/2304-9790-2015-4-3-219-226
2. Белых Т.В. Интегральная индивидуальность студентов с разным сочетанием рациональности и склонности к риску при принятии решений // Изв. Саратов. ун-та. Сер. «Акмеология образования. Психология развития». 2019. Т. 8. Вып. 1 (29). С. 70–77. DOI: 10.18500/2304-9790-2019-8-1-70-77
3. Белых Т.В., Майрамян А.М. Структурно-функциональные характеристики субъекта межличностного ситуативного взаимодействия // Гуманизация образования. 2016. № 2. С. 73–82.
4. Залевский Г.В. Психическая ригидность в норме и патологии. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1993. 272 с.
5. Залевский Г.В. Томский опросник ригидности Г.В. Залевского (ТОРЗ) // Сиб. психол. журн. 2000. № 12. С. 129–137.
6. Залевский Г.В., Залевский В.Г., Кузьмина Ю.В. Антропологическая психология: биопсихосоциоэтическая модель развития личности и ее здоровья // Сиб. психол. журн. 2009. № 33. С. 99–103.
7. Корнилова Т.В. Ригидность, толерантность к неопределенности и креативность в системе интеллектуально-личностного потенциала человека // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14 «Психология». 2013. № 4. С. 36–47.
8. Корнилова Т.В. Принцип неопределенности в психологии выбора и риска // Психолог. исследования. 2015. Т. 8, № 40. С. 3. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40/1111-kornilova40.html> (дата обращения 10.11.2023 г.).
9. Корнилова Т.В. Психология риска и принятия решений. М.: Аспект Пресс, 2003, 286 с.
10. Лебедев И.Б., Чуманов Ю.В., Султанова А.М. Теоретический анализ процесса принятия решения в ситуациях неопределенности ориентиров поиска // Вестн. науки и образования. 2018. Т. 1. № 4 (40). С. 111–115.
11. Левитов Н.Д. Психология характера. М.: Просвещение, 1969. 423 с.
12. Мещеряков Д.А. Характеристики воли как предикторы склонности к риску у курсантов военного вуза в процессе военно-профессиональной социализации // Изв. Саратов. ун-та. Сер. «Акмеология образования. Психология развития». 2021. Т. 10. Вып. 2 (38). С. 139–149. DOI: 10.18500/2304-9790-2021-10-2-139-149
13. Москвитина О.А. Субъект учения в ситуации неопределенности // Вестн. Омск. ун-та. Сер. «Психология». 2016. № 3. С. 46–55.
14. Незнанов Н.Г., Коцюбинский А.П., Коцюбинский Д.А. Кризис естественнонаучного и гуманитарного подходов в психиатрии // Обзор психиатрии и мед. психологии имени В.М. Бехтерева. 2019. № 1. С. 8–15.
15. Оганесян Т.Д. Право на защиту персональных данных: исторический аспект и современная концептуализация в эпоху Big Data // Журнал зарубеж. законодательства и сравнит. правоведения. 2020. № 2. С. 48–63. DOI: 10.12737/jfcl.2020.010
16. Фоминых Е.С., Шаповал И.А. Трансформации хронотопа и границ личности как диспозиции деструктивности выбора: между возможностью и закономерностью // Психология и психотехника. 2017. № 4. С. 23–36. DOI: 10.7256/2454-0722.2017.4.24486

17. Юнкеров В.И., Григорьев С.Г., Резванцев М.В. Математико-статистическая обработка данных медицинских исследований. СПб.: Изд-во ВМА, 2011. 318 с.
18. Wolfram H. Der EntscheidungsQSort (EQS) als Methode in der Neurosendiagnostik // Helm J., Kasieike E., Mehl J. (Hrsg.) Neurosendiagnostik. Berlin: VEB Deutsh Verlag, 1974. P. 1138.

Поступила 17.11.2023

Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией статьи.

Участие авторов: И.М. Улюкин – планирование исследования, обобщение полученных результатов, редактирование окончательного варианта статьи; Е.С. Орлова, А.А. Сечин – сбор эмпирического материала, обработка результатов, связанных с публикацией статьи подготовка исходного варианта статьи.

Для цитирования: Улюкин И.М., Орлова Е.С., Сечин А.А. Взаимосвязь личностных факторов принятия решений и ригидности как черты личности у лиц молодого возраста // Вестник психотерапии. 2024. № 89. С. 29–39. DOI: 10.25016/2782-652X-2024-0-89-29-39

I.M. Ulyukin, E.S. Orlova, A.A. Sechin

The relationship between personal decision-making factors and rigidity as personality trait in young people

Kirov Military Medical Academy (6, Academica Lebedeva Str., St. Petersburg, Russia)

✉ Igor' Mikhailovich Ulyukin – PhD Med. Sci., Research Associate, Kirov Military Medical Academy (6, Academica Lebedeva Str., St. Petersburg, 194044, Russia), ORCID: 0000-0001-8911-4458, e-mail: igor_ulyukin@mail.ru;

Elena Stanislavovna Orlova – PhD Med. Sci., Senior Research Associate, Kirov Military Medical Academy (6, Academica Lebedeva Str., St. Petersburg, 194044, Russia), ORCID: 0000-0003-1586-6635, e-mail: oes17@yandex.ru;

Aleksei Aleksandrovich Sechin – Head of the research laboratory, Kirov Military Medical Academy (6, Academica Lebedeva Str., St. Petersburg, 194044, Russia), ORCID: 0000-0001-6832-6988, e-mail: sechinalex@rambler.ru.

Abstract

Relevance. Poor adaptability may interfere with the use of cognitive coping strategies and increase dependence on more maladaptive strategies. It is believed that the structural components of personal potential and personality traits that determine its adaptability can act as psychological resources that determine its readiness to take risks and the ability to exercise conscious control over the transformation of risk situations through its decisions.

Intention – to study the relationship between personal decision-making factors and rigidity as a personality trait in young people with the aim of improving their medical and psychological support.

Methodology. 200 young people took part in the experimental psychological study (men / group «М» – 100 people / 50.0 %; women / group «W» – 100 people / 50.0%; average age of «М» = $20,5 \pm 1,8$, of «W» = $19,2 \pm 1,2$ years, $p < 0.05$). The study of personal decision-making factors was carried out using the «Personal Decision-Making Factors» method [9], which is a Russian-language modification of the Q-sorting technique by the German psychologist H. Wolfram [5]. The study of rigidity (as a stable personality trait, manifested in the inability to one degree or another to perceive new experience and incorporate it into the personality system) was conducted using the Tomsk Rigidity Questionnaire by G.V. Zalevsky [18].

Results and Discussion. The study demonstrates that the statistical difference between the rigidity scale scores of the Tomsk Questionnaire in groups of men and women is not significant. The expression of rigidity in both groups is predominantly moderate. The absence of statistically

significant differences between decision-making factors in men and women was found, which likely finds its reflection in the levels of personality decision-making factors (similar in both groups; differences in factor levels between the examined groups are presumably due to gender identity of individuals). In both groups, significantly higher values of the 'Subjective Rationality' parameter are noted with weak and very weak negative correlation with 'Personal Readiness for Risk,' which may be attributed to professional-psychological selection.

Conclusion. The data obtained in the present study may allow for a more differentiated approach to medical and psychological support for young individuals, and, if necessary, to the development of psycho-correctional work with them.

Keywords: clinical psychology, young people, personal decision-making factors, rigidity as a stable personality trait, medical and psychological support.

References

1. Arendachuk I.V. Lichnostnyy potentsial i sotsial'no-psikhologicheskaya adaptirovannost' kak resurs psikhologicheskoy gotovnosti k risku [Personal Potential and Socio-Psychological Adaptation as a Resource of Psychological Readiness to Take Risks]. *Izvestiya of Saratov universiteta. Seriya «Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya»* [News of Saratov University. Ser. «Educational Acmeology. Developmental Psychology»]. 2015; 4 (3): 219–226. DOI: 10.18500/2304-9790-2015-4-3-219-226. (In Russ.)
2. Belykh T.V. Integral'naya individual'nost' studentov s raznym sochetaniem ratsional'nosti i sklonnosti k risku pri prinyatii reshenij [Integral Individuality of Students with Different Combinations of Rationality and Risk Appetite in Decision-Making]. *Izvestiya of Saratov universiteta. Seriya «Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya»* [News of Saratov University. Ser. «Educational Acmeology. Developmental Psychology»]. 2019; 8 (1): 70–77. DOI: <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2019-8-1-70-77>. (In Russ.)
3. Belykh T.V., Majramyan A.M. Strukturno-funktsional'nye kharakteristiki sub'ekta mezhlichnostnogo situativnogo vzaimodejstviya [Structural and functional characteristics of the subject of interpersonal situational interaction]. *Gumanizatsiya obrazovaniya* [Humanization of Education]. 2016; 2: 73–82. (In Russ.)
4. Zalevskij G.V. Psikhicheskaya rigidnost' v norme i patologii [Mental rigidity in normal and pathological conditions]. Tomsk, 1993. 272 p. (In Russ.)
5. Zalevskij G.V. Tomskiy oprosnik rigidnosti G.V. Zalevskogo [Tomsk Rigidity Questionnaire by G.V. Zalevsky]. *Sibirskiy Psikhologicheskij Zhurnal* [Siberian J. of Psychology]. 2000; 12: 129–137. (In Russ.)
6. Zalevskij G.V., Zalevskij V.G., Kuz'mina YU.V. Antropologicheskaya psikhologiya: biopsichosotsioeticheskaya model' razvitiya lichnosti i ee zdorov'ya [Anthropological psychology: biopsychosocioeticheskaya model of personality and his health]. *Sibirskiy Psikhologicheskij Zhurnal* [Siberian J. of Psychology]. 2009; 33: 99–103. (In Russ.)
7. Kornilova T.V. Rigidnost', tolerantnost' k neopredelennosti i kreativnost' v sisteme intellektual'no-lichnostnogo potentsiala cheloveka [Rigidity, tolerance for uncertainty and creativity in the system of intellectual and personality potential]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14 «Psikhologiya»* [Lomonosov Psychology J.]. 2013; 4: 36–47. (In Russ.)
8. Kornilova T.V. Printsip neopredelennosti v psikhologii vybora i riska [The principle of uncertainty in psychology of choice and risk]. *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological Studies]. 2015; 8 (40): 3. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40/1111-kornilova40.html>. (In Russ.)
9. Kornilova T.V. Psikhologiya riska i prinyatia resheniy [Psychology of risk and decision making]. Moskva, 2003. 286 p. (In Russ.)
10. Lebedev I.B., Chumanov Yu.V., Sultanova A.M. Teoreticheskij analiz protsessa prinyatiya resheniya v situatsiyakh neopredelennosti orientirov poiska [Theoretical analysis of the decision-making process in situations of uncertainty of the reference points]. *Vestnik nauki i obrazovaniya* [J. Science and Education]. 2018; 1 (4/40): 111–115. (In Russ.)
11. Levitov N.D. Psikhologiya kharaktera [Psychology of character]. Moskva, 1969. 423 p. (In Russ.)
12. Meshcheryakov D. A. Kharakteristiki voli kak prediktory sklonnosti k risku u kursantov voennogo vuza v protsesse voenno-professional'noj sotsializatsii [Characteristics of will as predictors of risk inclination of military university students in the process of professional military socialization]. *Izvestiya of Saratov universiteta. Seriya «Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya»* [Izvestiya of Saratov University. Ser. «Educational Acmeology. Developmental Psychology»]. 2021; 10 (2/38): 139–149. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2021-10-2-139-149>. (In Russ.)
13. Moskvitina O.A. Sub'ekt ucheniya v situatsii neopredelennosti [The subject of the teachings in a situation of uncertainty]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Psikhologiya»* [Herald of Omsk University. Ser. «Psychology»]. 2016; 3: 46–55. (In Russ.)
14. Neznakov N.G., Kotsyubinsky A.P., Kotsyubinsky D.A. Krizis estestvennonauchnogo i gumanitarnogo podkhodov v psikiatrii [Crisis of natural-scientific and human approaches in psychiatry]. *Obozrenie psikiatrii i medicinskoj psikhologii imeni V.M. Bekhtereva* [V.M. Bekhterev Review of psychiatry and medical psychology]. 2019; 1: 8–15. (In Russ.)

15. Oganessian T.D. Pravo na zashhitu personal'nykh dannykh: istoricheskij aspekt i sovremennaya kontseptualizatsiya v ehpokhu Big Data [The Right to Personal Data Protection: Historical Aspect and Modern Conceptualization in the Age of Big Data]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya* [J. of Foreign Legislation and Comparative Law]. 2020; 2: 48–63. DOI: 10.12737/jflcl.2020.010 (In Russ.)
16. Fominykh E.S., Shapoval I.A. Transformatsii khronotopa i granits lichnosti kak dispozitsii destruktivnosti vybora: mezhdru vozmozhnost'yu i zakonomernost'yu [Self-attitude as a phenomenological field of diagnosis of psychological boundaries of the personality]. *Psikhologiya i psikhotekhnika* [Psychology and psychotechnics]. 2017; 4: 23–36. (In Russ.) DOI: 10.17759/cpse.2018070102]
17. Junkerov V.I., Grigoriev S.G., Rezvantsev M.V. Matematiko-statisticheskaya obrabotka dannykh meditsinskikh issledovaniy [Mathematical and statistical processing of medical research data]. Sankt Petersburg, 2011. 318 p. (In Russ.)
18. Wolfram H. Der EntscheidungsQSort (EQS) als Methode in der Neurosendiagnostik. *Helm J., Kasieike E., Mehl J. (Hrsg.) Neurosendiagnostik*. Berlin: VEB Deutsh Verlag, 1974. P. 1138.

Received 17.11.2023

For citing: Ulyukin I.M., Orlova E.S., Sechin A.A. Vzaimosvyaz' lichnostnykh faktorov prinyatiya reshenij i rigidnosti kak cherty lichnosti u lic mladogo vozrasta. *Vestnik psikhoterapii*. 2024; (89): 29–39. **(In Russ.)**

Ulyukin I.M., Orlova E.S., Sechin A.A. The relationship between personal decision-making factors and rigidity as personality traits in young people. *Bulletin of Psychotherapy*. 2024; (89): 29–39. DOI: 10.25016/2782-652X-2024-0-89-29-39
